Зверинец
В. Хлебников
Из группы друзей Хлебникова
Москва 1930 г.
Цена 70 коп.

В. Хлебников.

1. Зверинец.
(к двадцатилетию со дня напечатания).
2. Письмо Хлебникова.
3. Воспоминания о Хлебникове.

Редакция А. Крученых.
Обложка К. Зданевича.
Предисловие Ю. Олеша.

Издание „Группы Друзей Хлебникова."
Книгопечатня. Тверская ул. №67, тел. 541-59.
Главлит № 53441. Тираж 130 экз.
Заказ № 723 Москва 1930 г.

„Зверинец" Х-ова впервые был напечатан в сборнике „Садок Судей" I, вышедшем в конце 1909 г.

С тех пор он часто перепечатывался и цитировался (Сборн. Х-ова „Рвв", предисл. к „Zoo" Шкловского и др.) Но всегда неполностью. Между тем „Зверинец" - лучшее из прозы Х-ова, послужившее образцом многим подлинным мастерам слова, и не о нем ли сказано, что „учиться прозе надо у Х-ова"?!

В настоящем изд. „Зверинец" впервые перепечат. полностью

Еще к юбилею. 20-летие со дня выхода „Сад. Судей" I совпадает с 20-летием футуризма.

В своей книге „15 лет русск. футуризма" (изд. 1927 г.) я, придерживаясь того, что кличка „футуристы" была прицеплена лишь после выхода „Пощечины" (1912 г.) вел счет с этого года; хотя формально я был прав, но, по существу, вернее, конечно, вести счет с 1909 г и, таким образом, сейчас исполняется ровно 20 лет русского футуризма!

Крученых декабрь 1929 г.

В ответ на одну из анкет Вс. Иванов написал, что учиться прозе следует ныне у академика Павлова и В. Хлебникова.

Я всецело поддерживаю эту мысль. Молодой писатель, мечтая о новой русской прозе, не должен продавать традиций так называемой великой русской литературы. Этот соблазн губителен, и горе тому, кто поддается вашему странному соблазну. На мой взгляд великие русские писатели (кроме Гоголя) плохо изображали, например, природу. Знаменитый изобразитель природы Тургенев не изображал ее, а описывал — совершенно не впечатляюще. Дело, конечно, вкуса. Гоголь написал о дорогах, которые расползлись, как раки, и о сломанной березе в саду Плюшкина, которая стояла, как обломок колонны. Тургенев же писал: „Легкий ветерок пронесся по рыж. Малиновка вспорхнула" и т. д. Он пере-

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/zverinetsvkhlebn00khle

давал то, что видел, — и это не есть поэтическое искусство, — п. ч. поэзия начинается галлюцинацией. Проза Хлебникова — образец умения изобретать. Я поражаюсь удивительной пробоине так называемой непонятности Хлебникова. Нет ничего лучше звучания Хлебникова:

И в царстве синих незабудок
Она оставила рассудок

Это, впрочем, из стихов, а не из прозы Хлебникова. „Зверинец" считаю шедевром. „Олень — испуг, цветущий широким камнем" — это академия для прозаиков. Пролетарские писатели призывают своих последователей учиться у классиков: Тургенева, Толстого.

Ложь! Гибель!!

Только у Хлебникова!

Если вообще нужно учиться у кого-либо. Главное — талант и здоровье.

Ю. Олеша.

декабрь 29 г.

З В Е Р И Н Е Ц.

О Сад, Сад!

Где железо подобно отцу, напоминающему братьям, что они братья, и останавливающему кровопролитную схватку.

Где немцы ходят пить пиво.

А красотки продавать тело.

Где орлы сидят подобны вечности, оконченной сегодняшним еще лишенным вечера днем.

Где верблюд знает разгадку Буддизма и затаил ужимку Китая.

Где олень лишь испуг цветущий широким камнем.

Где наряды людей баскущие.

А немцы цветут здоровьем.

Где черный взор лебедя, который весь подобен зиме, а клюв - осенней рощице -немного осторожен для него самого.

Где синий красивейшина роняет долу хвост, подобный видимой с Павлинского камня Сибири, когда по золоту пала и зелени леса бро-

Зак. 723

пена синяя сеть от облаков и все это разнообразно оттенено от неровностей почвы.

Где обезьяны разнообразно сердятся и выказывают концы туловища.

Где слоны, кривлясь, как кривляются во время землетрясения горы, просят у ребенка поесть влагая древний смысл в правду: есть хоуа! поесть-бы! и приседают точно просят милостыню.

Где медведи проворно влезают вверх и смотрят вниз, ожидая приказания сторожа.

Где нетопыри висят подобно сердцу современного русского.

Где грудь сокола напоминает перистые тучи перед грозой.

Где низкая птица влачит за собой закат, со всеми углями его пожара.

Где в лице тигра обрамленном белой бородой и с глазами пожилого мусульманина мы чтим первого магометанина и читаем сущность Ислама.

Где мы начинаем думать, что веры - затихающие струи волн, разбег которых - виды.

И что на свете потому так много зверей, что они умеют по разному видеть бога.

Где звери, устав рыкать, встают и смотрят на небо.

Где живо напоминает мучения грешников тюлень с неустанным воплем носящийся по клетке.

Где смешные рыбокрылы заботятся друг о друге с трогательностью старосветских помещиков Гоголя.

Сад, сад, где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг.

Сад.

Где орел жалуется на что то, как усталый жаловаться ребенок.

Где лайка растрачивает сибирский пыл, исполняя старинный обряд родовой вражды при виде моющейся кошки.

Где козлы умоляют, продевая сквозь ре-

шотку раздвоенное копыто, и машут им, придавая глазам самодовольное или веселое выражение, получив требуемое.

Где полдневный пушечный выстрел заставляет орлов смотреть на небо, ожидая грозы.

Где орлы падают с высоких насестов, как кумиры во время землетрясения с храмов и крыш зданий.

Где косматый, как девушка, орел смотрит на небо, потом на лапу.

Где видим дерево - зверя в лице неподвижно стоящего оленя.

Где орел сидит, повернувшись к людям шеей и смотря в стену, держа крылья странно распущенными. Не кажется ли ему, что он парит высоко над горами. Или он молится.

Где лось целует через изгородь плоскорогого буйвола.

Где черный тюлень скачет по полу, опираясь на длинные ласты с движениями человека, завязанного в мешок и подобный чугунному

памятнику вдруг нашедшему в себе приступы неудержимого веселья.

Где косматовласый "Иванов" вскакивает и бьет лапой в железо, когда сторож называет его "товарищ".

Где олени стучат через решотку рогами.

Где утки одной породы подымают единодушный крик после короткого ложия, точно служа благодарственный молебен утиному - имеет ли оно ноги и клюв - божеству.

Где нередко серебряные цесарки имеют вид казанских сирот.

Где в малайском медведе я отказываюсь узнать соседеянина и открываю спрятавшегося монгола.

Где волки выражают готовность и преданность.

Где войдя в душную обитель попугаев я оснащаем единодушным приветствием "дюрьрак ".

Где толстый блестящий морж машет, как усталая красавица, скользкой черной веера-

образной ногой и после прыгает в воду, а когда он вскатывается снова на помост, на его жирном грузном теле показывается с колючей щетиной и гладким лбом голова Ницше.

Где челюсть у белой черноглазой возвышенной ламы и у плоскорогого буйвола движется ровно направо и налево, как жизнь страны с народным представительством и ответственным перед ним правительством- желанный рай столь многих.

Где носорог носит в белокрасных глазах неугасимую ярость низверженного царя и один из всех зверей не скрывает своего презрения к людям, как к восстанию рабов. И в нем затаен Иоанн Грозный.

Где чайки с длинным клювом и холодным голубым, точно окруженным очками глазом, имеют вид международных дельцов, чему мы находим подтверждение в искусстве, с которым они похищают брошенную тюленям еду.

Где вспоминая, что русские величали сво-

их искусных полководцев именем сокола и вспоминая, что глав казака и этой птицы один и тот-же, мы начинаем знать, кто были учителя русских в военном деле.

Где слоны забыли свои трубные крики и издают крик, точно жалуются на расстройство. Может быть, видя нас слишком ничтожными, они начинают находить признаком хорошего вкуса издавать ничтожные звуки. Не знаю.

Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в часослов слово Полку Игореви.

В. ХЛЕБНИКОВ.

/"Сапок Судей" 1
1909 г./

x/

Александр Петрович.

Сообщаю Вам, как врачу, свои медицинские горести.

Я попал на дачу в Новгородск.губер., ст. Боровенка, село Санталово /40 верст от него/ здесь [?] я шел пешком, спал на земле и лишился ног. Не ходят. Расстройство [неразборчиво] службы. Меня поместили в Коростецкую "больницу" Новгор.губ. гор.Коростец 40 верст от жел.дор.

Хочу поправиться вернуть дар походки и ехать в Москву и на родину. Как это сделать?

---

x/ Это письмо написано В.Хлебниковым незадолго до его смерти д-ру А.П.Давыдову /Москва/. В прямых скобках заметки редакции.

СП.

О ХЛЕБНИКОВЕ И ДРУГИХ.

Я помню только один случай, когда В.Хлебников, В.Маяковский, Д.Бурлюк и я писали все вместе одну вещь - это был манифест в книге "Пощечина общественному вкусу" /Москва, декабрь 1912 г./ Писали долго, спорили из-за каждой фразы, слова, буквы.

Помню я предложил: "Выбросить Толстого, Достоевского, Пушкина"... Маяковский добавил: "С парохода современности".

Кто-то: "сбросить с парохода"...

Маяковский: "Сбросить - это как-будто они там были, нет, надо бросить с парохода"..

Помню мою фразу: "Парфюмерный блуд Бальмонта". Исправление В.Хлебникова: "Душистый блуд Бальмонта" - не прошло.....

"Стоим на глыбе слова мы" и "С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество /Л.Андреева, Куприна, Кузьмина и пр./" - фра-

вы Хлебникова.

Он же, по окончании манифеста, заявил: "Я не подпишу это... Надо вычоркнуть Кузьмина, - он нежный." Сошлись на том, что Хлебников пока подпишет, а потом отправит письмо в редакцию о своем особом мнении, - такого письма мир, конечно, не видел.

По написании манифеста мы разошлись; я пошел обедать и с"ел два бифштекса сразу - так устал от совместной работы с великанами.

А.КРУЧЕНЫХ.

ИЗ ЖИЗНИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА.

В 1916 г. Хлебников был призван на военную службу, к которой, как крайне "нежитейский" человек, был вовсе не подходящ.

Разбирая рукописи Хлебникова, поступившие ко мне недавно, я нашел стихи этого периода:

Где как волосы девицины,
Плещут реки там, в Царицыне,

Для неведомой судьбы, для неведо-
мого боя,
Нагибались дубы нам ненужной
тетивою.
В пеший полк 93-й
Я погиб, как гибнут дети.
/1916 г. См."Неизвестн.Х-ов"
выпуск 1-П/.

У Дм.Петровского в "Повести о Хлебникове" /изд."Огонек"/ читаем:

"Через две недели получаю открытку из Царицына. Писал Хлебников: -"Король в темнице, король томится. В пеший полк девяносто третий, я погиб, как гибнут дети, адрес: Царицын, 93-ий зап.пех.полк, вторая рота, Виктору Владимировичу Хлебникову".

Не отсюда-ли странный оборот последних строк стиха? /Злоумышленная неправильность падежа по образцу "камул в лету - погиб в полк"/.

С Хлебниковым военное начальство обра-

щалось очень жестоко, часто отнимали ему винтовку, лишало отпуска и пр. Испытав все прелести царской военщины, Хлебников с этого момента стал особенно остро ненавидеть империалистическую войну и посвятил ей несколько песен-проклятий.

Большинство этих, в свое время напечатанных, стихов Хлебников смонтировал в большую поэму "Война в мышеловке".

С солдатчиной начинается очень тяжелая и скитальческая жизнь Хлебникова. Спасаясь от гражданской войны, он добрался до Кавказа, где много голодал, мерз и болел.

К концу 1921 г. Велимир в санитарном вагоне выехал в Москву. Соседями его по вагону были эпилептики, которые на станциях устраивали искусственные припадки и затем подбирали вещи, брошенные разбегавшейся в испуге публикой. Таким же образом больные разгоняли посетителей буфета, а сами набрасывались на оставленные тарелки и с"едали по 4 обеда

сразу. После плотной еды, а может быть и выпивки, приходили в веселое настроение и, по возвращении в вагон, пытались облить бороду Хлебникова керосином и поджечь ее, чтобы устроить "пляску диких у огня".

Невольно вспоминается неизданная поэма Хлебникова, писанная им еще в 1913 г. о прокаженных, сбежавших из больницы и забравшихся в поезд.

Фигуры этих больных, написанные с тяжелым клиническим натурализмом, вероятно напоминали Хлебникову его невольных спутников:

Стоит тот в рубище больных -
с норой мышиною щека,
того глаза - весь в крови ящик,
и грязи ком - рука....

/"Бунт жаб". Неизд.Хлебн.
вып.XII/

А.КРУЧЕНЫХ.

SPECIAL 86-B
25573

THE GETTY CENTER
LIBRARY